

Пять вечеров

Автор:

Александр Володин

Пять вечеров

Александр Моисеевич Володин

«Эта история произошла в Ленинграде, на одной из улиц, в одном из домов. Началась она задолго до этих пяти вечеров и кончится еще не скоро.

Зима, по вечерам валит снег. Он волнует сердце воспоминаниями о школьных каникулах, о встречах в парадном, о прошлых зимах...»

Александр Володин

Пять вечеров

Действующие лица

ТАМАРА

ИЛЬИН

СЛАВА

КАТЯ

Зоя

ТИМОФЕЕВ

Эта история произошла в Ленинграде, на одной из улиц, в одном из домов. Началась она задолго до этих пяти вечеров и кончится еще не скоро.

Зима, по вечерам валит снег. Он волнует сердце воспоминаниями о школьных каникулах, о встречах в парадном, о прошлых зимах...

Первый вечер

На просцениуме освещена маленькая тахта. На ней сидят Зоя и Ильин. Между ними – раскрытый патефон, вертится пластинка. Вот мелодия кончилась. Зоя сняла мембрану.

ЗОЯ. Нет, это безумие, что я так себя веду. Только прошу, не истолкуй мое поведение как вообще легкую доступность ко мне.

ИЛЬИН. Ладно.

ЗОЯ. Что – ладно?

ИЛЬИН. Не истолкую.

ЗОЯ. Вредный ты – это другое дело. (Пауза.) А правда, как у нас все быстро произошло. Всего неделю назад мы еще друг друга не знали. И – вдруг. Прямо не верится. Правда, я какая-то безумная. Ты меня, наверно, презираешь.

ИЛЬИН. Что ты, наоборот.

ЗОЯ (показывает Ильину журнал мод). Скажи, а такая женщина тебе нравится?

ИЛЬИН. Ничего.

ЗОЯ. Эту манекенщицу больше всех снимают. Вот здесь она хорошая. А здесь плохая. А эту в последних журналах совсем перестали показывать, наверно, поругалась. А может быть, замуж вышла за обеспеченного. Одной-то вообще жить лучше. Мужчине надо то носки покупать, то мясо, то четвертинку. Вот скажи, что такое любовь?

ИЛЬИН. Неизвестно.

ЗОЯ. Любовь... это электрический ток.

ИЛЬИН. Очень может быть.

ЗОЯ. Не может быть, а точно. У тебя когда отпуск кончается?

ИЛЬИН. Скоро – ту-ту!.. Сколько я здесь не был, лет семнадцать? И вот интересно: какая-то вывеска, или афишная тумба, или аптека на углу – все точно такое же, как и прежде. Над этой аптекой моя первая любовь жила. Я у них до войны комнату снимал.

ЗОЯ. Правда? Ой, как интересно! Расскажи про свою первую любовь. Я люблю, когда рассказывают про свою первую любовь...

ИЛЬИН. Она красавица была, теперь таких нет. Звезда. Ее подружки так и звали: «Звезда».

ЗОЯ. Ну, я тоже не в последних ходила. Вообще я молоденькая – прелестная была. За мной такой человек ухаживал! Только он был пожилой. Мать меня взяла и отговорила. Тогда я сама за него мою подругу сосватала. Недавно ее встретила. Одета!.. А ведь это могла быть я.

ИЛЬИН. А я бы, пожалуй, сейчас зашел.

ЗОЯ. Куда?

ИЛЬИН. А к ней.

ЗОЯ. А я ее на дуэль вызову.

ИЛЬИН. Всю войну с ней переписывались. Издать – целый том.

ЗОЯ. Что же вы тогда расстались, если она такая звезда?

ИЛЬИН. Не удовлетворил высоким идеалам.

ЗОЯ. Значит, отставку получил?

ИЛЬИН. Нет, по собственному желанию. Причем все заочно, в письменном виде.

Зоя. Жалко, я разговаривать не умею, со мной скучно.

ИЛЬИН. Как же не умеешь, вон сколько наговорила.

ЗОЯ. С тобой – другое дело. Вот ответ мне на такой вопрос. Девушка встретила человека. Он в нее влюбился до беспамятства. Она хочет пройти с ним рядом всю жизнь. А он вдруг – раз! – бросил ее. Тогда она другого встретила. Уже не совсем то, но все-таки привыкла к нему и тоже хочет с ним вместе пройти жизнь. А он – хлоп! – опять то же самое, ушел. А ей семью хочется, ведь женщина! И она уже не так верит в себя. «В чем дело, чего у меня не хватает?» И с третьим она уже теряет гордость, почти навязывается. А про нее говорят: «Какая распущенная...» Ничего не слышишь, что я говорю. В одно ухо влетает, в другое вылетает.

ИЛЬИН. Почему же, я слышу. Просто я думаю о том, что ты сказала.

ЗОЯ. Что же надумал?

ИЛЬИН. Это все верно, Зоенька, это бывает. Печальная история.

ЗОЯ. Конечно, печальная.

ИЛЬИН (глядя в окно). Вот это был наш собственный переулок. Наш персональный кинотеатр. И наше личное небо. Какое небо, а? Зима, ночь, а оно синее, хоть ты разорвись! Нет, опасно возвращаться на те места, где ты был счастлив в девятнадцать лет! «Где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил».

ЗОЯ. Интересно, какая она теперь – звезда?

ИЛЬИН. А знаешь, сейчас еще не поздно: что, если взять да и правда сходить! Может, она еще здесь живет?

ЗОЯ. Ну, Саша, ты слишком злоупотребляешь моим отношением к тебе.

ИЛЬИН (потрепал ее по волосам). Что ты, Зоенька.

Ильин сидит задумавшись. Потом встает, надевает пальто.

ЗОЯ. Вон что! Все ясно.

ИЛЬИН. Я скоро вернусь. Схожу и приду. (Уходит.)

ЗОЯ. Я тебе вернусь! Так с лестницы шугану... Я тебе вернусь!..

Свет гаснет.

Комнаты Тамары: одна побольше, другая поменьше. Впоследствии действие происходит то в одной, то в другой, то в обеих комнатах одновременно.

Тамара одна, сидит за столом и накручивает волосы на бигуди. Позвонили в дверь. Тамара продолжает заниматься своим делом, потому что никого не ждет.

Позвонили еще раз. Слышно, как открыли наружную дверь. Кто-то постучал в комнату.

ТАМАРА (встревожилась, подошла к двери). Кто там?

ГОЛОС Ильина. Тамара Васильевна?

ТАМАРА. В чем дело?

ГОЛОС Ильина (дурашливо измененный). У вас комната сдается?

ТАМАРА. Какая комната – двенадцать часов!

ГОЛОС Ильина (подражая телефонному диктору). Двадцать два часа тридцать три минуты!

ТАМАРА. Выйдите отсюда и хорошенько захлопните за собой дверь.

В прихожей тихо.

Что вы там делаете?

ГОЛОС Ильина. Я возле вешалки прилягу. Только утром вы дверь сразу не открывайте, потихоньку. (В прихожей что-то упало.)

ТАМАРА. Что это?

ГОЛОС Ильина. Корыто.

ТАМАРА. Повесьте его обратно.

ГОЛОС Ильина. Повесил.

ТАМАРА. Послушайте, что вам надо? Кто вы такой?

В дверную щель просовывается паспорт.

Не нужен мне ваш паспорт.

Все же взяла, раскрыла. И – вспомнила. Присела на стул тут же, у двери. Потом, забыв вытащить бигуди, молча открыла дверь. Смотрит на Ильина так недоверчиво и жалобно, что Ильин рассмеялся. Да и ГУЛАГ был, но это отдельный разговор. Шагнул к ней и, несмотря на некоторое сопротивление, поцеловал в щеку.

ИЛЬИН (по-хозяйски огляделся, повесил на крючок пальто и прошел в комнату). Ну, что ты стоишь? Проходи.

Тамара прошла.

Садись.

Тамара села к столу. Ильин – рядом.

ТАМАРА. Нет, вы там садитесь.

ИЛЬИН (пересел на другой стул). Ну?

ТАМАРА. Что?

ИЛЬИН. Как жизнь, настроение, трудовые успехи?

ТАМАРА (с достоинством). Я лично неплохо живу, не жалею. Работаю мастером на «Красном треугольнике». Работа интересная, ответственная...

ИЛЬИН (тихонько, со значением запел).

Миленький ты мой,

Возьми меня с собой...

ТАМАРА. Я и слова уж забыла.

ИЛЬИН (поет).

Там, в краю далеком,

Назовешь меня женой.

ТАМАРА. Ничего не помню. Ничего не помню. Сколько времени прошло, кто упомнит... Вы-то как живете? Добились, чего хотели?

ИЛЬИН. Добился, не добился... Как смотреть.

ТАМАРА. А сами как смотрите?

ИЛЬИН. А... (Махнул рукой.)

Жизнь моя – железная дорога,

Вечное стремление вперед!

ТАМАРА. Значит, добились. Где работаете?

ИЛЬИН. Ну, если интересно, – работаю инженером. Если интересуется табель о рангах – главным инженером.

ТАМАРА (уважительно). Завод большой?

ИЛЬИН. Всего-навсего – химический комбинат в Подгорске. Если интересуется мощность – довольно крупный. Один из крупнейших в Союзе.

ТАМАРА (вежливо улыбнулась). Большому кораблю большое плавание. Я тоже неплохо живу. Работаю. Работаю мастером все на том же «Треугольнике».

ИЛЬИН. Смотри, большой человек.

ТАМАРА (махнула рукой). За все отвечать приходится: и за дисциплину, и за график, и за общественную работу. Я и агитатор по всем вопросам. Когда работают одни девушки, они становятся такие боевые, даже распускаются. Другой раз сидит такая хорошенькая, а лохматая. «Причешься! С твоим личиком – и так за собой не следишь». Ну конечно, я член партии. Коммунисту можно потребовать от партбюро. Словом, живу полной жизнью, не жалею.

ИЛЬИН. Одна живешь?

ТАМАРА (гордо). Почему – одна? Я с племянником живу. Люси нет, она в блокаду умерла. А Славик остался. Очень способный мальчик – все так говорят. Учится в технологическом, пошел по вашим стопам. Активный мальчик, не ограничивается одними занятиями, у него и общественное лицо есть. Так что он тоже живет полной жизнью... А вы что, в командировку приехали?

ИЛЬИН. Ненадолго, дня на три.

ТАМАРА. На три дня.

ИЛЬИН. Или на четыре.

ТАМАРА. Или на четыре. Что ж, хотите – поживите у нас. Слава ляжет на раскладушке. В общем-то, он не станет вам мешать. Только у меня условие: сюда никого не водить, мальчик занимается, я прихожу усталая. Так что для нас главное – тишина.

Ильин достал папиросы, закурил.

Вы курите?

ИЛЬИН (усмехнулся). Все еще курю.

ТАМАРА. Уже позабыла. Тогда курите, только форточку открывайте. (Вышла в прихожую, за раскладушкой.)

Ильин убрал папиросы в карман, поднялся. Зашел в комнату, которую когда-то снимал. Постоял там. Вернулся к вешалке, снял пальто. Из прихожей вернулась Тамара.

ИЛЬИН. Ладно, спите спокойно.

ТАМАРА. Куда вы?

ИЛЬИН. Не буду вам мешать. Ложитесь, поздно... Будем считать, что встреча состоялась.

ТАМАРА (торопливо, но все же сохраняя официальный тон). Чем же вы будете мешать? Вы мне нисколько не мешаете. Вам здесь будет удобно, вот посмотрите. (Открыла дверь в соседнюю комнату, зажгла свет.) Постель чистая, только сегодня постелила. Не знаю, решайте сами, как вам лучше, я вас уговаривать не собираюсь...

ИЛЬИН (поколебался, вернулся). Спасибо. (Подошел к ней.)

ТАМАРА (все так же торопливо, но достоинство уже возвращается к ней). Можете ложиться сейчас, время позднее, так что спокойной ночи.

ИЛЬИН. Спокойной ночи. (Ушел в маленькую комнату.)

Тамара закрыла за ним дверь, прикрыла плотнее. Села на скамеечку у своей кровати, привычно вскинула руки к волосам, тронула торчащие бигуди, посмотрела в зеркало и охнула от стыда. Одну за другой вытащила бигуди, швырнула их в стенку. Ильин, обеспокоенный, приоткрыл дверь.

ТАМАРА (обернулась, крикнула). Прошу стучать, если открываете дверь ночью, понятно?

ИЛЬИН. В общих чертах – да. (Снова закрыл дверь.)

Тамара величественно прошла к выключателю, погасила свет, вернулась, плашмя бросилась на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, затихла. Некоторое время в комнате темно, только окна слабо светятся отблеском ночных фонарей. Но вот негромко хлопнула наружная дверь, щелкнул замок внутренней, загорелся свет. Это вошли Слава и Катя. Они в пальто, с поднятыми воротниками. Прислушались. За ширмой, где лежит Тамара, тихо.

КАТЯ. Неудобно, лучше я домой пойду.

СЛАВА (испытывает неловкость). Неудобно знаешь что? (Заглянул в буфет.) Так. Пища. (Положил на стол батон и круг колбасы. Снял с Кати пальто. Приподнял газеты над чертежной доской.) Видишь, работка?

Катя наклонилась.

Осторожно. (Снова закрыл.)

Сели за стол. Ломают батон, по очереди откусывают колбасу.

Первобытный коммунизм.

КАТЯ. Интересно, а первобытный комсомол был? (Взглянула на Тамирину полку.) У вас книжек сколько! Ты читал такую книжку – «Скорпион»? Там на обложке женщина нарисована с рюмкой и так... полуобнаженная.

СЛАВА. Не читал.

КАТЯ. Боже, какая серость!.. Мне эту книжку один футболист давал. У меня вообще в спортивном мире есть связи. На любую игру могу достать пропуск.

СЛАВА. Я вижу, ты не теряешься.

КАТЯ. А что, у меня много знакомых. Я привыкла дружить. Я после школы два года с одним дружила. Один раз даже с сыном генерала познакомилась. Честное слово. Он так сразу и сказал: я сын генерала.

СЛАВА. Врешь ты все.

КАТЯ (без обиды). Правда. Я даже иностранцам нравлюсь. Шведам. Помнишь, шведы приезжали? Я с одним моряком познакомилась.

СЛАВА. Его отпустили на берег на два часа, он и бросился на первую попавшуюся.

КАТЯ. Ну да, он мне ручку поцеловал. Разрешения попросил и поцеловал.

СЛАВА. А ты и рада. (Оглянулся на ширму, придвинул стул к Катиному и с некоторой неловкостью, но весьма решительно обнял ее.)

КАТЯ (на минуту запнулась и – быстро). Тетка сшила оранжевое платье, так на нее на улице оглядывались – она старая. Тогда она мне отдала.

СЛАВА. Хочешь, чтобы на тебя тоже оглядывались?

КАТЯ. А на меня оглянутся – только скажут: «Хорошо!» (Натянуто улыбнулась Славе, сняла его руку с плеча, ласково, но настойчиво положила ему на колено.)

СЛАВА. Ты что?

КАТЯ. Вчера шла садиком – воробья за крыло таскает, наверно, он ей изменил...

Слава поднялся, достал Тамины папиросы, закурил. Вернулся к Кате, остановился за ее спиной.

(Поправила волосы.) А я решила покраситься, а то ни разу брюнеткой не была. (Встала, повернулась к нему лицом, беспокойно засмеялась.)

СЛАВА. Смотрю я на тебя и думаю: дура ты или умная?

КАТЯ. Я не дура, я не умная – я веселая. Меня специально в компанию приглашают, чтобы я их веселила.

СЛАВА (облокотился на стул, обнял ее). Ну и как, многих развеселила?

КАТЯ (поначалу улыбаясь, а затем – зло, с усилием разняла его руки). Не можешь руки при себе держать!

СЛАВА (ощетинился). А что я тебе сделал?

КАТЯ. Ничего. Всякий будет рукам волю давать...

СЛАВА. Я что – всякий?

КАТЯ. А ты думал, тебе особая привилегия? Иди в Мраморный зал на танцы, там есть такие страшенькие, специально для тебя.

СЛАВА. Зачем же тогда со мной в кино пошла? В первый раз видишь человека...

КАТЯ. А чего теряться? Убудет меня – в кино сходить?

СЛАВА (с мучительной развязностью). А убудет тебя?.. (Обнял ее.)

КАТЯ (вырвалась). Сколько стоит билет?

СЛАВА (простодушно). Четыре пятьдесят.

КАТЯ (положила деньги на стол). Пятьдесят копеек на чай. (Направляется к двери.)

ТАМАРА (отодвинув ширму, поднялась на кровати). Двенадцать часов, тебе завтра в восемь вставать.

КАТЯ (Тамаре). Простите, пожалуйста. (Славе.) А во-вторых, я тебя не в первый раз вижу. Я с твоей Лидочкой в одной квартире живу, вот ты какой наблюдательный.

ТАМАРА. А вы, девушка! Пришли ночью к молодому человеку домой. Такая молоденькая и вот как начинаете себя вести. И Славу хотите отвлечь от занятий.

КАТЯ. А я его не отвлекаю. Он не из-за меня двойки получает.

ТАМАРА. Какие двойки?

КАТЯ. Спросите у его Лидочки.

ТАМАРА. Какая Лидочка? (Славе.) В чем дело?

СЛАВА. А я знаю?

КАТЯ. У нас ее вся квартира не любит. Самописку твою.

ТАМАРА. Какую самописку?

КАТЯ. Она лекции конспектирует очень скоро. Прямо слово в слово, как попугай. Только вот несчастье – поссорился с ней Слава, она ему конспекты не дает. Зато когда ей что-нибудь нужно, он на все готов, даже себе в ущерб. У нас ее в квартире никто не любит. Только и знает тетрадки перелистывать – двери не отворит, хоть ты раззвонись! Я ее так и зову: самописка, вечное перо.

ТАМАРА. Ну и что же, значит, старательная девушка, серьезная. А вам не мешает с нее пример взять.

КАТЯ. А зачем мне брать? Я и так пользуюсь успехом.

ТАМАРА. Видите, как вы отвечаете? Вы – девушка, для вас честь дороже всего. Я в ваши годы уже Славика растила!

СЛАВА. Повело.

ТАМАРА. Что?

СЛАВА. Спать, говорю, пора.

ТАМАРА. А ты! Как ты мог! Пришли. Двенадцать часов ночи!

КАТЯ. Мы замерзли в парадном, погреться пришли.

ТАМАРА (не слушая). Стыдись! Привести кого-то. Ко мне.

КАТЯ. А к кому он должен меня привести, к товарищу?

ТАМАРА. Уходите, я спать хочу.

КАТЯ. Спокойной ночи.

ТАМАРА. Погремите болтом, дворник откроет.

СЛАВА (угрюмо). Провожу.

КАТЯ. Сама дойду. (Уходит.)

ТАМАРА. Святослав, что случилось?

СЛАВА. Видишь ли, какая петрушка. Мы с Лидой договорились идти вместе, а шпаргалки были у меня.

ТАМАРА. Какие шпаргалки?

СЛАВА. Ну какая разница. Нумерованные, по тридцать штук в каждом кармане. Она берет билет – тридцать первый. (Увлекаясь.) Начинаю перелистывать в правом кармане, дошел до тридцатой, соображаю: тридцать первая-то в левом. Нашел наконец ей шпаргалку, начинаю искать для себя. Вынул: вместо девятой – одиннадцатая...

ТАМАРА. А зачем тебе понадобились шпаргалки?

СЛАВА. Ты что, никогда не училась?

ТАМАРА. Я училась без шпаргалок.

СЛАВА. Карась-идеалист.

ТАМАРА. Может быть. Теперь объясни, что это за девица?

СЛАВА. Ну, с междугородной станции, телефонистка.

ТАМАРА. И она в первый же день согласилась прийти к тебе домой? Ночью?!

СЛАВА. А может, она надеялась, что я порядочный человек?

ТАМАРА. Это ее меньше всего беспокоит. Ты знаешь, какие бывают женщины? Неужели тебе самому не противно, скажи честно?

СЛАВА. Нет.

ТАМАРА. Боже мой, какой ты! Никаких принципов!

СЛАВА. Зато у тебя слишком много принципов. Ты из принципа замуж не вышла.

ТАМАРА (встала с кровати, очень взволнована). Да, я из принципа. Я из принципа. А ты? Вот ты грубишь. Ничего нет для тебя святого. И ты считаешь, что это подвиг. Смотрите, как я ничего не боюсь! (Достает с полки книжку, раскрывает ее.) Вот, хочу, чтоб ты прочитал.

СЛАВА. Ладно, положи.

ТАМАРА. Нет, сейчас, при мне.

СЛАВА. Я начитан до мозга костей, я насыщен теорией по горло.

ТАМАРА (смотрит на него молча и вдруг с силой бьет по щеке). Это письма Маркса!

Входит Ильин. Полускрытая ширмочкой, Тамара грустно листала странички писем Карла Маркса.

СЛАВА. Кто это?

ИЛЬИН. Ильин, Александр Петрович.

СЛАВА. Какой Ильин?

ИЛЬИН. Остановился у вас временно.

СЛАВА. Очень приятно.

ТАМАРА. Почему ты от меня скрыл, что получил двойку? Какой-то незнакомой девице рассказал, а от меня скрыл?

СЛАВА. Я никому ничего не рассказывал. Вообще не люблю посвящать в свои дела посторонних.

ТАМАРА. Он не посторонний. Он тебя знал, когда тебе два года было. Пускай послушает.

Ильин прислонился к косяку: слушает.

СЛАВА. Трагедия из жизни советского студента – «Начало пути». Внимание, занавес!

ТАМАРА. Я ему всю молодость отдала, ничего не осталось!

ИЛЬИН. Ну ладно, старик, тебе спать пора.

Слава берет раскладушку, уходит в свою комнату.

ТАМАРА (Ильину). И вы уходите, вы мне оба надоели.

Ильин тоже направляется к себе.

Только закройте сначала дверь.

Ильин запирает входную дверь.

И погасите свет.

Ильин гасит свет.

И дайте мне хоть немного поспать сегодня!

Ильин ушел к себе, сел на диван. Слава гремит раскладушкой, всячески притесняя гостя.

ИЛЬИН. Ну, как там наш технологический? Фомичев существует?

СЛАВА. Свирепствует. А вы что, тоже жертва науки?

ИЛЬИН. Вот именно – жертва. Меня вышибли с третьего курса.

СЛАВА. За что пострадали?

ИЛЬИН. За откровенность. Как-то на досуге изложил Фомичеву все, что о нем думаю. Тогда он повел против меня холодную войну, которую завершил блестящей победой в конце семестра.

СЛАВА. Бывает.

ИЛЬИН. Я вижу – вы с тетей плохо ладите.

СЛАВА. По третьему закону Ньютона – действие равно противодействию. Она меня воспитывает – я сопротивляюсь.

ИЛЬИН. А что, ваша тетя все время одна живет, замуж не выходила?

СЛАВА. Не родился еще тот несчастный... Впрочем, был у нее кто-то на заре туманной юности. По неофициальным данным.

ИЛЬИН. Тише. (Мотнул головой на дверь.) А ведь, наверно, это я и был. Мы с ней до войны познакомились, я у вас комнату снимал. Папа твой служил на Морфлоте, мама и Тома только еще начинали клейщиками на «Треугольнике». Она красавица была, твоя тетя, теперь таких нет. Звезда! Ее в цеху так и звали – Звезда. Прибежит с завода – стук-стук по ступенькам...

СЛАВА. А вы романтик.

ИЛЬИН. Мы с ней всю войну переписывались. Потом по причине некоторых обстоятельств я перестал писать, а письма ее все с собой таскал. Потом и письма куда-то пропали.

СЛАВА. А знаете, я бы на вашем месте описал все это в поэме. Что-нибудь такое:

Милый взгляд твоих дивных глазенок

Пробудил впечатленье во мне,

Ты одна мне милей из девчонок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-volodin/pyat-vechero-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)